Труды Пензенского общества
Любителей
Естествознания и Краеведения.

Выпуск VI

Гвоздев А.Н. Типы великорусских
говоров Пензенской губернии

ТРУДЫ

ПЕНЗЕНСКОГО ОБЩЕСТВА

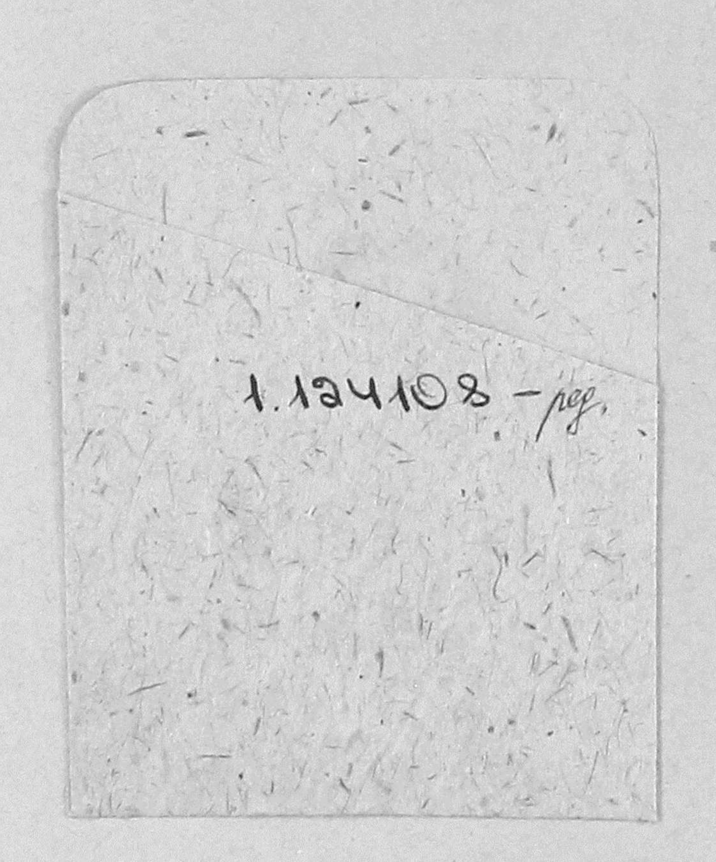
Любителей Естествознания и Краеведения.

Вып. VI.

1925 г.

А. Н. ГВОЗДЕВ. ТИПЫ ВЕЛИКОРУССКИХ ГОВОРОВ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ.

Пенза—1925 г.


1.124108 - рег.

А. Н. Гвоздев.

Типы великорусских говоров

Пензенской губернии.

ПЕНЗА—1925 г.

Пенза. Гублит № 600 Типография им. т. Воровского. Тираж 1000.

Типы великорусских говоров Пензенской губернии.

Для характеристики говоров Пензенской губ. мною использованы следующие работы и материалы: а) печатные:

1. 2-й выпуск трудов Московской Диалектологич. Комиссии. Свод материалов по Пензенской губ. Обработал Н. В. Васильев.

2. 3-й вып. трудов Моск. Диал. Комиссии. Ответ из с. Пичкиряйский Майдан, Спасского у.

3. 5-й вып. трудов Моск. Диал. Комиссии. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе.

4. 6-й и 7-й вып. трудов Моск. Диал. Комиссии Н. Н. Дурново. Диалектологические разыскания в области великорусских говоров. В. 1, 2.

5. XI выпуск материалов по великорусским говорам. Ответы на академическую программу из сел: 1) Трескино, Мокшанского уезда, 2) Елизаветино, Мокшан. уезда, 3) Куликовка, Чембар. у., 4) Шувары, Инсар. у.

6. Русский Филологический Вестник. 1911 г. № 3 и 4. Сводка материалов по Тамбовской губ. Обработал Н. Н. Дурново. Сведения по Темниковскому уезду.

7. В. А. Богородицкий. Говор с. Лады, Саранск. у., Пензен. г.

б) в рукописях:

8. Ответы на програму Моск. Диал. Комиссии: № 27 (село Селищи, Краснослоб у.), № 47 (г. Керенск), № 94 (с. Атмис (?) Н.-Ломов. у.), № 146 (с. Больш. Вьяс, Саранск. у.), № 147 (с. Атемар, Саранск. у.), № 185 (г. Инсар).

9. Ответ на академическую программу из села Коповки, Керенского уезда.

10. Лахерма. Сводка по говорам Саратовской, Пензенской и Тамбовской мещеры (с.с. Шеино, Троицкое, Ушинка, Большая Ижмора, Керенского уезда; Белынь, Н.-Ломов. у.; Сядемка, Спасск. у.).

11. Материалы моих собственных наблюдений из следующих сел: Сивинь, Ст. Авгора, д. Нов. Авгора, Каймар, Рубаево, Краснослоб. у.; Унуевский Майдан, Инсар. у.; Ушинка, Больш. Буртас (Знаменское), д. Сосновка, Колесовка, Кандиевка, Керенск. у.; Пыркино, Мокшан. у.;

Канаевка, Иваныре, Городищ. у.; Засечное, Терновка, Алферьевка, Валяевка, Пензен. у.

12. Ответы на составленную мной «Анкету для собирания сведений о говорах Пензенской губернии». Свыше 500 ответов из 390 сел.

Приношу глубокую благодарность Пензен. Губоно за напечатание анкет; проф. Д. Н. Ушакову и проф. И. Г. Голанову, снабдившим меня печатными и рукописными материалами Моск. Диал. Ком.; проф. В. А. Богородицкому за присылку его описания говора с. Лады; П. В. Зимину, А. А. Махановой, М. Ф. Шмонину, Л. П. Выборнову за содействие в распространении программ; учителям, учащимся Совпартшколы, Педтехникума, Рабфака и другим лицам, дававшим сведения о говорах. Только благодаря отзывчивости всех указанных лиц и мог быть собран необходимый материал, почему самая работа является в важнейшей части—собирании материала—делом коллективного труда.

Как видно из перечня материалов, основная масса сведений о говорах Пензенской губернии получена мной из ответов на анкету, раздававшуюся и рассылавшуюся разным лицам: учителям, слушателям Совпартшколы, Педтехникума и т. д. Полученный таким образом материал вызывает серьезные подозрения, так как ответы давались неподготовленными людьми, не привыкшими обращать внимание на явления языка вообще, на фонетические в частности.

Поэтому необходимо несколько остановиться на том, как велика достоверность таких показаний.

Рассмотрение материала ответов приводит в общем к благоприятному выводу относительно этого способа собирания сведений о говорах. По этому вопросу обращу внимание на следующее. Так 1) в нескольких случаях ответы получались из тех-же сел, где я лично производил наблюдения, и показания ответов обычно совпадали с данными моих наблюдений; при этом точно был отмечен такой тип, как ассимилятивное яканье, примеры для которого разбросаны в анкете довольно прихотливо.

2) Из одного пункта нередко получалось два и больше ответов от разных лиц и в разное время: в подавляющем большинстве случаев показания их оказывались сходными*). Правда, иногда имеются и расхождения, но при них нередко очевидна ошибочность одного показания: непоследовательность отмечаемых в нем явлений, наличие орфографических написаний, неполнота и небрежность ответов. Лишь в исключительно редких случаях показания двух ответов оказываются несогласными и имеют вид одинаково достоверных показаний.

---

*) Сюда-же относится сравнение ответов на анкету со сводкой по Пензен. губ. во 2-м вып. трудов М. Д. К. Отсутствие расхождений отмечено во всех совпадающих чертах для 29 сел, частичное расхождение (относительно некоторых черт) отмечено для 6 сел.

3. При единичном ответе из пункта косвенным, но важным показателем его состоятельности служит согласованность показаний относительно нескольких явлений, которые группируются определенным образом в распространенных в губернии говорах. Так при наличии мягкого *т* в 3-м лице глаголов наличие фрикативного *г* и т. д. Сюда же относится последовательность показаний относительно отдельных явлений. Так полное соответствие примеров тому или другому типу аканья. Чтобы достоверность ответов с этой стороны была легче определима, примеры расположены в анкете не всегда однородными группами: так среди примеров с предударным гласным между мягкими согласными помещены «часы», «пяток» и т. д. специально в целях контроля. При этом надо отметить, что заполнявшим анкету никаких раз'яснений о типах говоров и их особенностях не давалось, так что у них не могло быть стремления «подогнать» примеры на основании соображений теоретического характера.

Наконец, часть ответов на анкету браковалась, как дающих несогласованные, недостоверные сведения. При этом это был, так сказать, отбор второй степени, так как отбором первой степени являлось незаполнение программы. Обычно заполняли программу из тех, кому она раздавалась, не больше 50%; часто значительно меньше. В этом можно видеть, что заполняли программу более расположенные и знакомые с говорами.

Еще должен заметить, что ознакомление с ответами из сел, где я лично производил наблюдения, привело меня к выводу, что среди примеров произношения, указанных в ответах, есть и ошибочные. Так при массе совпадающих показаний есть отступления в единичных примерах, относительно которых у меня были надежные данныя. Также, сравнивая несколько ответов из одного пункта, можно встретить совпадение в большинстве примеров и непоследовательное расхождение в отдельных случаях; мало вероятно, чтобы эти случаи расхождения имели место на самом деле. Чаще всего эти ошибки в ответах представляют орфографические написания вместо фонетических, вследствие привычки к орфографическому письму. Но есть и другие ошибки, частью обусловленные тем, что анкета заполняется на основании общего знакомства составителя с говором вместо непосредственной записи слышанных слов, частью от других причин.

При обработке ответов это признание возможности ошибок в них отразилось в известном критицизме к их данным. Так, если встречалось небольшое число примеров, противоречащих основной их массе, то они не принимались в расчет, как недостоверные *). Конечно, такая критика до известной степени суб'ективна и в некоторых случаях такое отношение, может быть, привело к признанию чистого типа говора вместо смешанного. Считаю нужным указать на это.

---

*) Подробно останавливаться на приемах этой критики за недостатком места не могу.

Приступая после этих вводных замечаний к теме, отмечу, что всего на основании перечисленных выше материалов имеются данныя о говоре 408 сел. и деревень (в дальнейшем при указании численности говоров я условно упоминаю только села, относя к ним и деревни). Из этого общего количества в дальнейшем и указывается наличность в губернии того или иного типа говора.

Основная задача, поставленная мной, это выяснить место говоров Пензенской губ. *) среди других великорусских говоров, к которым они принадлежат; в частности установить более или менее точное распространение в губернии северно-великорусских, средне-великорусских и южно-великорусских говоров. Главным образом к этой цели была приспособлена и составленная мной анкета. Содержанием ее определяется и круг тех явлений, о которых будет итти речь. Вследствие вынужденно малого размера анкеты, пришлось ограничиться постановкой вопросов о фонетических и некоторых морфологических явлениях, имеющих первостепенное значение для классификации говоров. От этого зависит, что совершенно обойден вопрос о характеристике говоров по синтаксическим и словарным особенностям, несмотря на их важность.

Северно-великорусские говоры.

Характеризующиеся наличием оканья северно-великор. говоры имеются в губернии в небольшом количестве (57 сел или 14% общего числа). Всего гуще они расположены в Городищен. у., но и там они имеются в меньшинстве: 19 сел из 61 (31%). При этом они не занимают какого либо одного района в уезде, а вкраплены в акающие говоры; поэтому какую либо часть Городищен. у. нельзя признать сев. великорусской, хотя бы по преобладанию окающих говоров и следовательно границу сев. великор. наречия от сред. великор.-го необходимо вынести за пределы Городищ. у. в Ульяновскую (б. Симбирскую) и Саратовскую губ. В этом, таким образом, имеется расхождение с границей сред. великор. наречия в «Диалект. карте рус. яз. в Европе», где большая часть уезда показана принадлежащей к сев. великор. наречию.

*) Территория Пензенской губернии взята в пределах установившихся в 1923-м году т. е. с присоединением Спасского и большей части Темниковск. у., Тамб. губ. См. „Карта Пензенской губ.“, изд. Пенз Губ. Выставочного Комитета, 1923 г. или „Схематическая нарта Пенз. губ“., изд. Пенз. Стат. Бюро, 1925 г., в ней границы уездов имеются с самыми незначительными изменениями по сравнению с картой 1923 г. Границы уездов и волостей взяты по карте 1923 г.; они в большинстве сходны с границами до 1917 г. Важнейшим отличием является создание. Рузаевск. у. из восточной части Инсарского и перечисление сев. вост. волостей Инсар. у. в Саранский. Подробно об изменениях с 1917 по 1923 г. в справочнике Пенз. Губ. Стат. Бюро. „Поволостные и алфавитный списки населенных мест Пензен. губ.“ 1924 г. В настоящее время в распределении по уездам и волостям произошли огромные перемены, но они еще не закончены, да и неизвестно, насколько будут устойчивы. Поэтому и взяты границы 1923 г., так как обработка материала в главном была закончена до их отмены. Они являются удобными в том отношении, что, как близкие к границам до 1917 г., дают возможность делать сравнения с „Диалект картой рус. яз. в Европе“.

Из других уездов окающие говоры имеются в таком же проценте в Саранском у.: 9 сел (32% *), но, как видно, из этого уезда имеется значительно меньшее число сообщений. Кроме того они имеются в Рузаевском 3 с. (19%), Мокшанском 6 с. (17%), Пензенском 5 (12,5%), Чембарском 12 (25%), Н.-Ломовском 1 (2%) и Спасском 2 (9,5%).

Несмотря на такую разбросанность окающих говоров, можно видеть в их расположении некоторые признаки района. Это во 1-х) восточная часть губернии, расположенная по бассейну р. Суры. За бассейн Суры выходит лишь несколько сел по верховьям рек Иссы и Мокши, близко расположенным к долине Суры. Вообще же в уездах по Мокше не отмечено ни одного окающего говора. Во 2-х)—южная часть губернии (Чембар. у.). Этот район является как бы западным крылом первого на юге губернии.

Окающие говоры губернии не вполне однородны. Прежде всего по характеру оканья намечаются две разновидности: 1) полное оканье; 2) неполное оканье (8 с.).

К говорам с полным оканьем отнесены те, в которых безударное *О* сохраняет свое произношение не только в 1-м предударном слоге (в*о*дà), но и в других предударных слогах (б*о*р*о*дà). Появление редуцированных звуков вместо *О* в заударных слогах не принималось в расчет, так как оно имеет место и в несомненно чистых и очень архаических сев. вел. говорах. В отношении заударных слогов ответы анкет дают материал о конечном закрытом слоге; в нем сохранение *о* отмечено в 28 селах (шли лес*о*м), а появление на его месте глухого *ъ* или *а* в 10 с. (шли лѐсъм или лѐс*а*м).

В говорах с неполным оканьем безударное *о* сохраняется только в 1-м предударном слоге, во всех же остальных на его месте имеется *ъ* или *а* (в*о*дà, б*ъ*р*о*дà, лѐс*ъ*м)

Рядом с неполным оканьем, представляющим сев. велик. говоры, подвергшиеся юж. великор. влиянию, надо упомянуть о двух говорах, сохраняющих оканье только после твердых; после мягких в одном из них иканье (с. Уварово, Мокш. у.), в другом яканье неопределенного вида (д. Новая, Салтыков. в., Спас. у.).

В обоих типах оканья имеются разновидности по судьбе звуков *е*, *ѣ*, *я* *) в предударном слоге; правда, сведения об этой черте неполны и не вполне достоверны. Все же намечаются следующие типы в положении этих звуков перед следующим твердым согласным: 1) *е*=*ё*

---

* Здесь и в дальнейшем привожу проценты, несмотря на неполноту и случайность сведений о говорах; в них как то проглядывают некоторые обобщения. Конечно, следует помнить, что известно менее половины говоров.

* *я*, конечно, обозначает *а* после мягких согласных. Запись произношения всюду производится самым упрощенным способом в целях облегчения печатания. К тому же такие упрощенные записи сохраняют без перемен и данные ответов. Фонетически передаются главным образом звуки, о которых идет речь. Также вследствие недостатка необходимого шрифта ударение в примерах обозначается не одинаково, а иногда и вовсе не обозначается.

(сёло), *ѣ*=*е* (леса̀), *я*=*я* (пяток) (17 с.); 2) *е*, *ѣ*=*ё* (сёло, лёса̀), *я*=*я* (9 с.); 3) *е*, *ѣ*=*е* (село̀, леса̀), *я*=*я* (5 с.); 4) *е*, *ѣ*=*ё* *я*=*е* (петок) (1 с.); 5) *е*, *ѣ*, *я*=*е* (1 с.); 6) наконец, отмечено совпадение всех этих звуков в *ё* (пёток) (7 с.). Сам я не слышал такого произношения *я* и не могу сказать, не являются ли подобные указания ошибочными.

В области согласных разница касается главным образом произношения *ц* и *ч* и долгих шипящих *щ* и *жъжь* (дрожъжи). 1) Большинство говоров имеет сходное с литературным употребление этих звуков т. е. отсутствие смешения *ц* и *ч*, при чем *ч* произносится мягко, и мягкое произношение долгих шипящих (28 с.). 2) Твердое произношение долгих шипящих и отсутствие смешения *ц* и *ч* в 12 селах (21%), при чем из них *ч* твердо в 7 селах и мягко в 5. 3) Отсутствие правильного разграничения *ч* и *ц* отмечено в 9 с. (16%), из которых цоканье т.-е. отсутствие *ч* и замена его *ц* в 6 селах и смешение *ц* и *ч* в 3 селах. В связи с этим почти всегда отмечается твердось долгих шипящих. Впрочем, точное разграничение цоканья и смешения *ч* и *ц* очень затруднительно оттого, что во многих селах имеется то и другое: при цоканье у стариков и женщин у мужчин и молодежи появляется *ч*, употребляемое неправильно или даже правильно. Во всех подобных случаях указываются данные о старшем поколении.

Довольно распространен переход начального *о* во 2-м предударном слоге в *у* (14 с.): *у*город и т. д.

Очень редки формы глаголов с отвердевшими задненебными *к*, *г* в окончании основы (те*к*ошь); они отмечены в 3 селах.

Как на искючительное явление можно указать на *йжъ* (*ж* мягко) в соответствии с литературным долгим мягким *ж*: до*йжи*, во̀*йжи* в Боль. Вьясе, Саран. у. Упомяну, что та же черта отмечена в переходных говорах: с. Александровка, Студен. в., Липяги, Дурасов. в., Мастиновка, Рамз. в., Пензен. у.

Всего в 2 селах (Никифоровка, Рузаев. у., Панкратьевка, Мокш. уез.) отмечено *е* вместо *я* между мягкими под ударение (петь вместо пять). Во всех остальных окающих селах в этом положении сохраняется *я*.

Все указанные сев.-великор. говоры еще имеют следующие черты, отмеченные, как характеризующие Владимирско-Поволжскую группу: *) 1) Переход *в* перед глухими и в конце слова в *ф* (коро*ф*). 2. Мягкость конечных губных (се*мъ*). 3) Сохранение твердости *к*, *г* после мягких согласных (Вань*ка*); правда в 3 селах отмечено мягкое *к*. 4) Род. пад. местоимений *ово*, *ова*. 5) Употребление форм на *ые*, *ыми* во множ. числе прилагательных (родн*ые*, сыр*ыми*). 6) Формы 3-го

*) „Опыт диалектологич. карты рус. яз. в Европе“ ст. 25—27.

лица оканчиваются только на *т* твердое. Кроме того, хотя специального вопроса об этих явлениях не было, все же можно отметить, что в примерах ни разу не встречалось появления 1) *и* вместо *ѣ* под ударением (*ѣ* всегда обозначается *е*) и 2) *у* неслогового или *в* вместо *л*.

Средне-великорусские говоры.

Следующую группу, самую многочисленную в губернии (334 с. или 82%), составляют средне-великорусские говоры, представляющие переход от сев. вел. к южно-велик. говорам

К ним относятся акающие говоры, имеющие в других отношениях сев. великор. черты. *) Сред. великор. говоры губернии за единичными исключениями выделяются без затруднений, так как в них имеется налицо или произношение взрывного *г* или цоканье—черты, не оставляющие сомнений в их отношениях к сев вел. говорам, не говоря о ряде других, менее важных сев. вел. чертах, о которых будет сказано ниже.

Расположение средне-великор. говоров таково. В восточных уездах имеющих окающие села, остальная, большая часть сел принадлежит к сред. великорусским. Так в Саранском у. 19 с. (67,5%), **) Рузаевском 13 с. (81%), Мокшанском 30 с. (83%), Городищенском 41 с. (67%), Пензенском 35 с. (87,5 %). В ряде уездов они составляют все сто процентов. Сюда относятся уезды в бассейне Мокши: Темниковский (12 с.), Краснослободский (32 с.), Инсарский (19 с.), Наровчатский (31 с.) и Н.-Ломовский (38 с), ***) а так же Керенский у. (24 с.). ****).

Наконец, в двух уездах наряду с сред. вел. говорами имеются юж. вел-ие. При этом районы расположения тех и других обособлены, и между ними можно провести определенную границу. В этом отношении наблюдается резкая разница по сравнению с расположением сев. вел. и сред. вел-их говоров, которые, как отмечалось, перемешаны между собой. Положение в этих уездах таково:

В Спасском у. границей между этими говорами можно считать р. Вад: на запад от Вада отмечены юж. вел. говоры (5 сел), на восток сред. вел-ие (13 сел или 62%). Правда, на запад от Вада в одной волости отмечено 3 села с окающим говором. Кроме того, количество сведений из этого уезда недостаточно для полной определенности вывода о границе наречий. Эта граница почти точно совпадает с границей „Диалект. карты рус. яз. в Европе"; только по имеющимся у

---

*) Подробно об этом в „Опыте диалектол. карты рус. яз. в Европе" ст. 33, 34 и в „Диалектолог. разысканиях". Н. Н. Дурнова, в. I ст. 14, 15, в. II ст. 66.

**) В Саранском отмечено одно юж. вел-кое село (Толковка).

***) В Н.-Ломовском отмечено одно окающее село (Веденяпино) на границе с Чембарским у.

****) В Керенском у. отмечено одно юж. вел. село (Салтыково) на границе с Чембарским у.

меня данным юж. велик. наречие захватывает несколько больше на севере уезда, а несколько меньше на юге, около Керенского уезда, благодаря чему направление границы оказывается почти с севера на юг, а не на юго-восток.

Керенский уезд, как указано, весь относится к средне-великор. наречию, и следовательно граница наречий проходит западнее Керенск у. По этому указание „Диалек. карты р. яз. в Европе“, что она проходит по Керенскому у., при чем на карте большая часть уезда захвачена юж. вел наречием, необходимо исправить, так как о западной половине уезда у меня имеются данныя, охватывающие все села.

В Чембарс. у. к юж. великор наречию относятся села, лежащие вдоль западной границы уезда. Так в волостях Алексеевской, Починковской, Студенецкой, Чернышевской, Обвальской отмечены только юж. вел. говоры, всего 10 сел (21%); в остальной же части уезда таких говоров не отмечено вовсе. Там, кроме окающих (12 с. или 25%), отмечены сред. вел. села, всего 26 сел (54%). На основании этого границу наречий необходимо передвинуть на запад по сравнению с «Диалек. картой рус. яз. в Европе», сохранив ее направление с северо-запада на юго-восток

Среди сред. великор. говоров губернии намечаются две неравномерные группы. Большая часть характеризуется взрывным *г* и твердым *т* в 3-м лице глаголов; они являются типичными сред. великор. говорами.

Эта группа может быть разделена на отдельные подгруппы по типу аканья. Термин „аканье“ употребляется в широком понимании, как совпадение в одном звуке каждой из двух групп безударных гласных: 1) *о*, *а*, 2) *е*, *ѣ*, *я* (*а* после мягких). При этом главное внимание обращено на первый предударный слог. Из других слогов имеются данные о 2-м предударном. В нем чаще всего можно предполагать редуцированные *ъ* (в ответах обозначается через *ы*), *ь* (обозначается через *и*), редко *а* после твердых и мягких; но на данныя ответов о 2-м пред слоге нельзя особенно полагаться, так как составители их, не знакомые с редуцированными звуками, должны были их приравнивать к какому либо полному звуку, а для этого пользоваться растянутым, неестественным произношением. В 1-м предудар. слоге все акающие говоры губернии одинаковы по судьбе первой группы: на месте *о*, *а* при всяких условиях всегда отмечается *а*; различие касается судьбы второй группы—звуков *е*, *ѣ*, *я*, которым предшествуют мягкие согласные. В этом отношении имеются следующие разновидности:

1. Самым распространенным типом является умеренное якачье (144 села). Характеризуясь появлением в 1-м предудар. слоге на месте *е*, *ѣ*, *я* перед твердыми звуками *я* (*сяло*), а перед мягкими *и* (в

*си*ле), оно имеет все частные особенности, которые Н. Н. Дурново *) приписывает умеренному яканью сред.-великор. говоров. Так в них твердые шипящие влияют на предударый гласный. как мягкие (п*и*шком, л*и*жит, б*и*жит, ж*и*них, **) ж*и*леть, пш*и*ница, ц*и*нить) всегда появляется *и* перед следующими сочетаниями со вторым мягким: *сн*, *стр*, *вч* (к в*и*сне, с*и*стрица, д*и*вчонка) и перед твердой группой *рг* (кыч*и*рга), с отвердевшим *р*; впрочем, *р* во многих говорах еще мягко в подобных случаях. Наоборот, всегда отмечается *я* в словах: тямно (с отвердевшим *м*), вянки, ны шастке (сочетания на мягкое *к*), но в слове «на песке», наряду с более частым «ны пяске», встречается и „ны п*и*ске".

Умеренное яканье, распространенное по всей губернии. в некоторых уездах имеет особенно высокий процент. Так: в Темниковском 5 сел (83% ***), Краснослобод. 25 с. (81%), Наровчатском 20 с. (74%), Н.-Ломов. 24 с. (65%). Все это уезды по Мокше, и процент убывает в направлении на юг, вверх по ее течению, хотя, конечно, вследствие неполноты сведений, эти цифры могут быть несколько случайны. В четырех уездах, с разных сторон примыкающих к указанной группе, процент несколько ниже: в Спасском 6 с. (50%), Керенском 8 с. (57%), Чембарском 12 с. (50%), Инсарском 9 с. (50%). В остальных уездах процент ниже 50%: в Саранском 8 с. (42%), Рузаевском 4 с. (31%), Мокшанском 4 с (15%), Городищенском 11 с. (28%), Пензенском 12 с. (34%). Таким образом, умеренное яканье почти правильно убывает, расходясь веером от намеченного центра по Мокше.

2. Рядом с умеренным яканьем надо поставить умеренное еканье (7 сел). отличное от первого только тем, что при нем вместо *я* в 1-м предудар. слоге при тех же условиях появляется *е*. Оно отмечено одиночными селами в разных уездах: Н.-Ломов. 3 с., Керенс.—1 с., Пензен. 1 с. (мож. быть, с сохранением произношения *я* (пяток), если это не орфографич. написания), Краснослоб—1 с., Инсар.—1 с. При этом и эти показания вызывают сомнение, так как не исключена возможность, что в ответах имеются орфографические написания, не передающие произношения.

3. Второе место после умерен. яканья по распространенности занимает иканье (110 с.). Обычный тип иканья состоит в том, что в 1-м предудар. слоге после старых твердых звуков появляется *а*, после твердых шипящих—*ы* после мягких *и*, вне всякой зависимости от каких-либо других условий.

---

*) Н. Н. Дурново. Диалектолог. разыскания... в. 2, ст. 70, 71.

**) Конечно, *и* после шипящих обозначает *ы* вследствие привычек грамотного письма. Тоже и в следующих примерах из ответов на анкету.

***) Процент вычисляется из числа сел рассматриваемой группы сред. вел. говоров, о гласном строе которых имеются достаточные сведения, чтобы отнести их к тому или другому типу аканья. То же и в следующих типах аканья сред. вел. говоров.

Но кроме него намечается разновидность иканья, отличная тем, что после шипящих появляется *а*. Мои собственные записи из одного села (Сыромясы, Городищ. у.) дают примеры на *а* после шипящих только перед твердыми: чиж*а*ло̀, ж*а*на̀, ж*а*лте́ть. н*ъ*чяму, нич*я*во̀ *чя*о̀ (чего, *ч* мягко), правда, случаев перед мягкими не встретилось. В ответах всего чаще встречаются такие же примеры, но встречаются и случаи с *а* перед мягкими (ж*а*нѐ ж*а*лёть). И, хотя обычно в ответах нет полной последовательности в указании данного явления, наряду с появлением *а* встречаются и случаи с *ы*, однако, ввиду довольно значительного числа сел, где отмечается подобное *а*, нахожу возможным установить существование данной разновидности, *) хотя во многих случаях разграничение ее от обычного иканья и затруднительно на основании ответов. Всего *а* после шипящих в большем числе, чем *ы*, отмечено в 34 селах.

Район расположения иканья до известной степени соответствует расположению оканья: оно также больше всего наблюдается в бассейне Суры и Чембарском у.; так: в Саранском у. 10 сел (53%), Рузаевском 6 с. (46%), Мокшанском 18 с. (69%), Городищенском 24 (62%), Пензенском 17 (48,5%), Чембарском 9 (37,5%). Но в отличие от оканья оно имеется и в остальных уездах, при чем в двух: Спасском 5 с. (45%) и Инсарском 6 с. (33%) численно в небольшом, но процентно, может быть, случайно, в значительном количестве; в остальных же вообще в незначительном числе: в Н.-Ломовском 6 с. (16%), Наровчатском 5 с. (18%), Темников. 1 с. (16%), Керенском 1 с. (6%), Краснослоб. 2 с. (6%).

Выделить среди икающих говоров особый район распространения говоров с *а* после шипящих не представляется возможным.

4. В небольшом количестве отмечено сильное яканье (16 с.); определенного района оно не имеет, а распространенно в виде отдельных сел по уездам: Городищ. 1 с., Керенск. 2 с., Инсар. 1 с., Мокшан. 3 с., Наровчат. 1 с., Н.-Ломов. 3 с., Саранск. 1 с., Спасск. 1 с. Чембар. 3 с.

5. Единично отмечено сильное еканье: по селу в Городищ. (может быть, с сохранением произношения *я*), Инсарс. и Рузаевском уездах, если показания верны (срав. выше об умерен. еканье).

6. В Краснослобод. у. имеется маленький район (с. Сивинь, д. Н. Авгора, с. Ст. Авгора) с ассимилятивным яканьем 2-го вида по классификации Н. Н. Дурново, т.-е. на месте *е*, *ѣ*, *я* в 1-м предударном слоге всегда появляется *я* перед твердыми согласными (б*я*да̀, с*я*ло̀, *я*му), а перед мягкими звуками *я* появляется только тогда, когда под ударе-

---

*) Срав. „Диалектолог. разыскания... „Н. Н. Дурново, в. 2, ст. 73; 77, 78. Он высказывает предположение о принадлежности этой черты юж. вел. типу иканья, а наличие некоторых примеров с *а* после шипящих в сред. вел. говорах—заимствованием из другого типа аканья.

нием находится *а*, *я*, когда же имеется другой ударный звук, то появляется *и* (з*я*мля, з*и*мли; т*я*бя, т*и*бѣ; в*я*лят, в*и*лит; д*я*тям, д*и*тей; зм*я*я, зм*и*ю).

Кроме этих чистых видов, имеются смешанные. К ним относятся:

7. Смешение иканья и умеренного яканья. Отдельные села находятся: в Городищен. 2 с., Керенск. 1 с., Мокшан. 1 с., Наровчат. 1 с., Пензен. 4 с., Рузаев. 2 с., Саранс. 1 с.

8. Смешение умеренного и сильного яканья. Отмечено по селу в Н.-Ломов. и Спасском уездах.

Кроме типа аканья, данные сред.-вел. говоры различаются другими, более мелкими чертами.

Из области согласных основное различие зависит от произношения шипящих согласных. Как и в окающих говорах, в этом отношении существует три основых типа:

1. Произношение шипящих, одинаковое с литературным, т.-е. мягкое произношение долгих шипящих (*щ*юка, в*ожьжи*), правильное употребление *ц* и *ч*, при чем *ч* мягко. Этот тип—самый распространенный.

2. Твердое произношение долгих шипящих и *ч*, которое не смешивается с *ц* (24 с.) В немногих случаях при твердости долгих шипящих отмечается мягкое *ч* (8 с.), но вследствие особенностей нашей орфографии с обозначением слогов с шипящими для лиц без подготовки возможность ошибочных записей произношения значительна.

3. Твердое произношение долгих шипящих и цоканье (16 с.); вариантом этого типа является смешение *ц* и *ч* (7 с.). Как уже отмечалось, цоканье идет быстро на убыль и во многих ответах указывается, что некоторые элементы подобных сел (молодежь или часть ее, часть мужчин и т. д.) утеряли эту черту.

Относительно связи этих разновидностей в согласном строе с различными типами аканья не представляется возможным сделать каких-либо определенных выводов: повидимому, цоканье или твердость шипящих не являются принадлежностью одного какого-либо типа аканья. Так, сравнивая два наиболее распространенных типа аканья—умеренное яканье и иканье, можно видеть, что в них цоканье и смешение *ц* и *ч* имеется приблизительно в одинаковом проценте: при умеренном яканье—8 цокающих и 3 села, смешивающих *ц* и *ч*, т.-е. 7,5%; при иканье 5 цокающих и 2 села, смешивающих *ц* и *ч*, т.-е. 6%. Если здесь несколько больший процент при умеренном яканье, то относительно наличия твердых шипящих он выше при иканье: при умеренном яканье 13 сел, т.-е. 9%, а при иканье 15 с., т.-е. 13,5%. Из других типов аканья, как отмечено, редко встречающихся, цоканье отмечено при сильном яканье (1 с.), смешении сильного и умеренного яканья (1 с.), смешении умеренного яканья и иканья (2 с.); мена *ц* и *ч* отмечена при смешении умер. яканья и иканья (1 с.); твердость шипящих—

при сильном яканье (2 с.), смешении умеренного яканья и иканья (2 с.). Отмечу, что, таким образом, процент наличия твердых шипящих в сред.-вел. говорах выше, чем процент цоканья.

Еще отмечу, что процент этих обеих черт в рассматриваемых сред.-великор. говорах губернии значительно ниже, чем в окающих говорах губернии.

Из области гласных к различиям этой группы сред.-вел. говоров относится:

1) Редукция *у* во 2-м предударном и заударных слогах (мъжики, дъраки, замъж (70 сел.). Судить, связывается-ли она с редукцией *ы*, *и* в подобных же условиях, не представляется возможным, так как и редуцированное *у* обозначается в ответах через *ы*. В наблюдавшихся мной говорах (с. Сивинь, Ушинка) эти явления были связаны. Это особенно заметно в конечном закрытом слоге, где на месте редуцированных по законам этих говоров при отчетливом произношении появляется *а* (дóж*ал*=дожил; уж*а*н=ужин; вым*а*л=вымыл; выб*ял*=выбил; дóжьж*я*к—дождик и т. д.).

Редукция *у* наиболее распространена в Краснослоб. (14 сел), Наровчатском (16 с.), Н.-Ломовском (18 с.). Это об'ясняется тем, что она обычно отмечается при умерен. яканье. Исключения из этого невелики; так оно соединено с иканьем 6, сильным яканьем 2, смешением сильного и умер. яканья 1, ассимилятив. аканьем 3, оканьем 2. В отношении строя согласных можно указать, что оно оказывается почти исключительно в говорах, по согласному строю сходных с литературным языком (см. выше); с цоканьем оно отмечено 5, с твердыми шипящими 2.

2) Замена начального *о* через *и* (*и*торвáл). Эта замена происходит только во 2-м предудар. слоге, в 1-м же всегда отмечается *а* (*а*пять). Эта черта вообще редкая (10 сел); она чаще отмечена в икающих говорах (4 с.), но отмечена и в окающих (2), с умерен. яканьем (1), сильным яканьем (юж.-вел. гов.) (2), ассимилятивным аканьем (мещер. гов.) (1). Упоминаю здесь эти говоры, не относящиеся к разбираемой группе, чтобы не возвращаться к этой черте.

От рассмотренной большой группы сред.-вел. говоров резко выделяется одна небольшая группа так называемых „мещерских“ говоров, которые расположены сплошь неширокой полосой вдоль западной границы Керенского у., смежной с Моршан. у., Тамбов. губ. (10 сел). Кроме того, к ним относятся одиночные села: Хилково, Спас. у., Белынь, Чембар. у.*) Их отличием от других сред.-вел. говоров является наличие в них: 1) фрикативного *г* (взрывное *г* имеется в Троицком

*) Под именем „мещерских“ сел еще известны: Подгорное, Чембар. у., Пустынь, Н.-Ломов. и Пустынь, Пензен. у., но из них нет сведений о говоре. См. „Этнографич. карту Пензен. губ.“ в приложении к „Очеркам по истории Пензенского края“ А. Л. Хвощева. С. Шеино, Керен. у. и с. Сядемка, Спасс. у., указанные в сводке Лахерма, не относятся к „мещерским“ по своим особенностям.

и Колесовке (?), Керен у.), 2) мягкого *т* в третьем лице глаголов (идё*ть*) и 3) неслогового *у* вместо *в* в конце слова и перед согласным (карŏ*у*, дĕ*у*ка). По двум первым чертам они, повидимому, и были отнесены к юж.-вел. наречию на „Диалек. карте р. яз. в Европе", но этому препятствует имеющееся в них цоканье (10 сел) или смешение *ц* и *ч* (2 с.), как очевидно сев.-вел черта *)

По характеру аканья эти говоры распадаются на две группы: в 5-ти селах, лежащих на севере данной группы в Керенск. у. (Вяземка, Большая и Малая Ижмора, Ушинка, узеикино. Замечу, что это очень крупные села По переписи 1920 г. в них 25.375 чел. населения), имеется ассимилятивное яканье II-го вида**), которое было характеризовано выше. В остальных селах имеется умеренное яканье, которое совпадает с характеризованным выше в сред.-вел говорах. Особняком стоит с. Хилково, Спасс. у., где последовательно отмечено влияние твердых шипящих и *ц* на предудар. гласный, одинаковое со старыми твердыми (п*я*шком, л*я*жить, б*я*жить, ц*а*нить. ц*а*лёй, ж*а*них, пыш*а*ница, ц*а*рёмуха, д*я*вцóнка, кыц*а*рыга; в трех последних словах *ц* из *ч*); там же, кроме отмеченных для сред.-великор. умеренного яканья—„в*я*нки, на ш*а*штке, ны п*я*ске", имеется „с*я*стрица". Между прочим, эта разница в типе аканья совпадает с тем, что в первых пяти селах еще в употреблении своеобразный костюм, тогда как в остальных сохранились только воспоминания о нем и его остатки в виде хранящихся без употребления разрозненных принадлежностей.

Из других особенностей «мещерских» говоров надо отметить: 1) Твердость долгих шипящих (мягкость их отмечена только в Белыни). 2) Твердость *к* в „Ва́нь*ка*" (мягкость *к* отмечена в Хилкове). 3) Родит. пад. местоимений на *я* (мня*я*, мин*я*). Дат. п. табé, *тае*, *сае*, хотя сведения о дат. п. не из всех сел. 4) Стяжение гласных отмечено или отсутствующим или слабым, сильным оно отмечено только в одном селе (Вяземка). 5) В Ушинке мною отмечена редукция безударного *у* (см. выше). Еще она отмечена в Хилкове; из остальных сел даются сведения о сохранении *у*, если это не объяснять трудностью для наблюдателей замечать данное явление. 6) По моим-же наблюдениям и по некоторым ответам (специального вопроса об этих явлениях не было в анкете) наблюдается замена *ф* через *х* (*х*ата=фата, *х*áртук, *х*унт) и 7) образование первого лица глагола по аналогии с прочими лицами в отношении ударения и конечного согласного основы (хŏ*д*ю, прŏ*с*ю, уст*у*пю).

*) В очерке рус. диалектологии (вып. 5-й трудов М. Д. К.) такое сочетание сев. вел. и юж. вел. особенностей указано, как основание отнесения говора к сред. великорус. наречию, ст. 33–34.

**) По сводке Лахерма и по сводке во 2-м вып. М. Д. К. нельзя судить о типе аканья в этих селах. Ассимилятив. аканье в с. Ушинке установлено мной на основании личных наблюдений, а из остальных сел имеются вполне достоверные ответы. Замечу, что говоры с ассимил. аканьем в Краснос. у. в остальных чертах резко отличны от этих „мещерских", имея сходный с литер. языком консонантизм.

К сред. великорусским надо отнести и такие одиночные говоры, у которых общей чертой является наличие мягкого *т* в 3-м лице глаголов при взрывном *г*. Два села (Юровка, Мокш. у. и Блиновка, Н.-Ломов.) имеют одинаковый консонантизм, типичный для сред. великор. говоров губернии: 1) мягкие долгие шипящие, 2) правильное употребление *ц* и *ч* (мягкого), 3) наличность *в*, *ф*; они различаются аканьем; в первом—иканье, во втором—сильное яканье. Говор с. Ртищева, Керен. у. отличается от них наличием: 1) смешения умер. яканья и иканья, 2) твердостью долгих шипящих (без *ч*), 3) мягкостью в «Вань*кя*».

Особняком стоит говор одной половины (называемой Крукол) с. Канаевки. В нем имеется ассимилятивно-диссимилятивное аканье группы Б *) по классификации Н. Н. Дурново. Кроме того, он имеет следующие особенности: 1) стяжение, 2) твердые долгие шипящие, 3) правильное употребление *ц* и *ч*, которое твердо, 4) мягкое *к* в «Вань*кя*», 5) наличность *в*, *ф*, 6) родит. местоимений минѐ, дат. *сабѐ*, 7) перенос ударения в 1-м лице глаголов (скàжу, хóжу). Говор другого конца (называемого Шигонь) отличается от него наличием там 1) умеренного яканья, 2) твердого *т* в 3-м лице, 3) твердого *к* после мягких (Вàнь*ка*), 4) род. п. местоим. мин*я*, дат. п. т*и*бѐ.

Эти говоры, расположенные среди типичных сред. русских говоров характеризованных выше, повидимому, представляют по своему происхождению юж. великор. говоры, еще не окончательно ассимилированные окружающими. Иначе трудно об'яснить в них мягкое *т* в 3-м лице и мож. быть, мягкое *к* (Вань*кя*).

Кроме того в анкете были вопросы, рассчитанные на то, чтобы выяснить характерность для сред. вел. говоров губернии черт 3-й группы сред. вел. говоров, к которой они принадлежат территориально. **) В этом отношении можно отметить следующее. В сред. вел. говорах губернии совершенно отсутствует твердость конечных губных, так-же не отмечалось перехода группы *дн* в долгое *н* (правда, специального вопроса об этом явлении не было), этих отличительных черт 2-й группы. Но две других черты 2-й группы встречаются в говорах губернии. Так 1) указывалось на наличие двух групп ассимилятивного аканья; правда, эти группы незначительны и представляют обособленные острова, 2) очень распространенным является окончание *ым* под ударением в предложн. пад. прилагательных (в шест*ым* часу). Оно отмечено в 129 селах; поэтóму считать его принадлежностью только 2-ой группы невозможно.

Не отмечено следующих черт, встречающихся в 3-й группе: **) 1) Появления *у* на месте *о* в начале слова (*у*топри), есть только одно

*) Подробная характеристика его в моем описании говора с. Канаевки. Ниже приведены примеры на отдельные положения при ассим. дис. аканье по ответам на анкету из с. Кириллова, Спас. у. См. о нем „Диалектол. разыскания“ в. 1 ст. 207, 214.

**) „Опыт диалектол. карты р. яз. в Европе“ ст. 47. 48.

сомнительное показание на такое *у*; а эта черта отмечена, как известная «в большей части говоров» 3-й группы; 2) мягкого *ц*, хотя это может об'ясняться способом собирания материала: заполнявшие анкету могли не отметить такую деталь; 3) твердого произношения согласных перед *е*; есть четыре показания на существование данного явления, из которых два явно сомнительны; а, если считать эту черту за остаток акцента обрусевшей мещеры и мордвы, как на это указывает «Опыт»... то следовало бы ожидать ее широкого распространения ввиду многочисленности мордовского населения в губернии; 4) мягкого *к* в случаях «Ва̀нь*ка*». Оно отмечено всего в 3-х селах; 5) окончаний *эи*, *эми* (родн*эи*, сыр*эми*) в прилагательных, отмеченных для соседней Нижегород. и Симбир. губерний; 6) формы *кош* (те*кош*), отмеченной в Рязан. и Нижегород. губ. Она отмечена в 3-х селах.

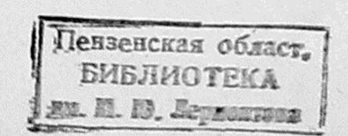
Южно-великорусские говоры.

Наконец, коснусь маленькой группы южн.-вел. говоров (17 сел или 4%). О расположении их было сказано выше (стр. 9, 10).

Среди них имеется совершенно однородная группа говоров, расположенных сплошной массой в Чембар. у. Этот тип характеризуется наличием: 1) умеренного яканья, однородного с таковым в сред. вел. говорах губ. (см. выше ст. 10, 11); 2) фрикативного *г*; 3) мягкого *ть* в 3-м лице глаголов; 4) мягких долгих *щ* и *жъжь* и правильного разграничения *ц* и *ч*, тоже мягкого; 5) употребления *ф* в конце и перед глухими согласными в середине слов в чередовании с *в*; 6) смягчения *к* после мягких согласных (Ва̀нь*кя*, чай*кю*); 7) отсутствия стяжения (в трех селах из 10 имеется незначительное число примеров на стяжение; в 7-и они совсем отсутствуют); 8) род. пад. местоимения всегда мин*я*, дат., где он указывается (5 сел.), *табѐ*; 9) в родит. п. прилагательных всегда *в* злов*а*).

Ввиду того, что, как говорит Н. Н. Дурново, *) разграничение южн. вел. и сред. вел. говоров затруднительно, то приходится отметить, что наличие в этих говорах мягких долгих шипящих и род. п. местоимения *миня* служит отличием их от типичных юж. вел. говоров. Кроме того, присущее им умеренное яканье отделяет их от восточной группы юж. великор. наречия с ее сильным яканьем, к которой они примыкают территориально. Но в тоже время наличие мягкого *к* (Ва̀нь*кя*), отсутствующего в переходных говорах губернии, и отсутствие стяжения, которое очень широко распространено в тех же говорах, выделяет их из последних, не говоря о таких основных чертах принадлежности к юж. вел. наречию, как фрикативное *г* и мягкость *ть*. С этими оговорками они и названы южно-великорусскими.

*) Диалектолог. разыскания... в I, ст. 15.



Юж. великор. села Спасского у. при своей немногочисленности (5 с.) неоднородны и имеют некоторые черты отличия от только рассмотренных говоров Чембар. у. Основным отличием является другой тип аканья. В 4-х из них сильное яканье, в чем они совпадают с говорами восточной группы юж. вел. наречия. Из этих два села (Сядемка и Красная Дуброва, Сядем. в.) имеют твердые долгие шипящие, а в Сядемке еще «*минé*». Два других (Боковой и Матвеевский Майданы) отличаются от Чембарских, кроме сильного яканья, 1) твердым *к* (Ва̀нь*ка*) и 2) наличием *ў* неслогового в конце слов и перед согласными (дѐ*ў*ка, каро̀*ў*).

Наконец, пятое село (Кириллово) имеет ассимилятивно-диссимилятивное аканье. Ввиду редкости этого типа аканья остановлюсь подробней на нем и приведу примеры. Отмечу, что из Кириллова имеется два ответа местных учителей: Калинина (21/XI—23 г.) и В. Срюхиной (22/VIII—24 г.), примеры которых целиком совпадают. Так на месте *е*, *ѣ*, *я* в предудар. слоге 1) перед твердыми всегда *я*: с*я*ло̀, в л*я*су̀, р*я*бо̀й, с*я*стра̀, ст*я*на̀, п*я*то̀к, р*я*бро̀, б*я*да̀, л*я*гу̀шка, *я*му̀, п*я*тна̀дцать, р*я*ка́, пл*я*са̀ть, ж*а*на̀, *) ш*а*сто̀й, ж*а*ла̀ть; 2) перед мягкими и в сочетаниях на мягкую появляется *я* а) перед узкими *и*, *ы*, *ю* (*у*): гл*я*дѝ, дис*я*тѝна, с*я*стрѝца, в*я*нкѝ, ц*а*нѝть, л*я*жѝть, ш*а*нѝца, ж*а*нѝх, кл*я*шшѝ (*шш* твердо), кызн*я*цы̀, ис*я*нью̀ (осенью), ч*а*йкю̀, кузн*я*цу̀; в) перед широким *я* (*а*): з*я*тья̀, р*я*бя̀ты, н*я*льзя̀, д*я*вя̀тка, б*я*жа̀ть, мож. быть, сюда же кыч*а*рга̀; с) перед старым *ѣ*, теперь совпавшем с *е*: в гр*я*зѐ, в р*я*кѐ, ны ст*я*нѐ, к в*я*снѐ, ц*а*лѐй, в*я*лѐл, гл*я*дѐть, ж*а*лѐть, ны п*я*скѐ, ны ш*а*сткѐ, единственным исключением в обоих ответах является слово «н*и*вѐста»; 3) перед мягкими и в сочетаниях на мягкую появляется *и* перед средними *е*, *ё* (*о*): б*и*рѐза, н*и*сѐм, м*и*нѐ, б*и*рѐшь, ч*и*рѐмха, з*и*лѐный, п*и*тѐрка, в*и*дѐшь, д*и*вчѐнка, т*и*ѐ, с*и*ѐ, т*и*кѐшь, запр*и*гѐшь, исп*и*кешь.—Орфографическими написаниями могут быть единичные: т*е*кѐшь, запр*я*гѐть (С. в вопросе о смягчении в глаголах), б*е*рѐшь, кыч*е*рга̀ (К.). Таким образом этот говор вследствие различия рефлексов перед *е* из старого *ѣ* и перед *е*, *ё* из старых *е*, *ъ*, необходимо отнести к группе Б. по классификации Н. Н. Дурново (см. выше ст. 16). В других отношениях он отличается от юж. вел. Чембар. говоров наличием: 1) редукции *у* во 2-м предудар. (*ъ*ракѝ), 2) *и* во 2-м предудар. в начале слова вме-

*) Твердые звуки *ж*, *ш*, *ц* ввиду того, что они были некогда мягкими и в многочисленных говорах влияют на предударный гласный, как мягкие, приравнены к мягким.

сто этимологического *о* (*и*башо̀л; *а*дин). 3) твердостью долгих шипящих (*ч* мягко); 4) Родит. п. местоим. *минѐ*; 5) *хв* вм. *ф* (*хв*унт)

Еще имеются юж. вел села одиночки, находящиеся среди сред. вел. говоров. Их отличия от Чембар. юж. вел. говоров таковы. С. Салтыково, Керен. у. отличается 1) ассимилятивным аканьем 2-го типа (впрочем, при большинстве примеров, подтверждающих этот тип, есть несколько исключений, говорящих за умеренное яканье), 2) *у* неслоговым вместо *ф* в конце слова и перед согласными. Этими чертами он сближается с «мещерскими» говорами, расположенными близко от него, и, мож. быть, представляет «мещёрский» говор, потерявший цоканье и твердость шипящих.—С. Тепловка, Саранск. у. отличается 1) твердостью шипящих (*ч* мягко), 2) сильно распространенным стяжением.

Закончив обзор группировок говоров губернии, укажу, что ряд черт характеризует все говоры губернии. Правда, единичные исключения имеются почти у каждой из них, но они слишком незначительны в сравнении со всей массой говоров и, может быть, частью представляют ошибки. Вот эти черты (некоторые из них частично указывались при обзоре отдельных групп говоров): а) фонетические:

1) Мягкость согласных перед *е* (*ве́се́л*, а не *вэсэл*); непоследовательно твердость отмечена единичными примерами в 4 селах.

2) Мягкое *к* не замещается мягким *т* (*к*ислый, а не *т*ислый); последнее отмечено в 1-м селе.

3) Конечные губные мягки (се*мь*); твердость отмечена в одном селе.

4) Мягкое *т* не замещается мягким *ц* (*т*ихо̀, а не *ц*ихо̀); *ц* отмечено в 7 селах, большей частью непоследовательно.

5) Произношение *я* между мягких согласных под ударением (п*я*ть, а не п*е*ть). Второе произношение в 5 селах.

в) Морфологические:

6) *в* а не *г* в Родит. пад. прилагательных (зло*в*а).

7) Произношение *ыми*, а не *эми* в Творит. пад. прилагательных (сыр*ыми*, а не сыр*эми*) второе непоследовательно указано в 2-х селах.

8) Произношение *х* а не *ф* в Местном п. существ. мн. ч. (при дела̀*х*, а не дела̀*ф*). Второе указано в 3-х селах Спас. у.

9) Родит. п. местоимения мен*я̀*; мен*е* указано в 4-х селах.

10) Может быть, на счет графики надо отнести непоследователь-

ные указания на существование *ч* в глагольных формах (течѐш) в 10 селах; в 6 селах отмечено текош; во всей массе текѐш.

Наконец, одно общее замечание о расположении говоров. Уже указывалось, что, исключая южно-великор. и «мещерских» говоров, расположенных сплошной массой, остальные говоры губернии перемешаны самым прихотливым образом, затрудняющим проведение определенных границ: окающие села находятся среди сред. великорусских, а в этих последних чередуются села, различные по типу аканья или по строю согласных, Изобразить наглядно это расположение возможно только на карте, отмечая отдельным знаком каждое село, говор которого известен; такую карту я и предполагаю издать, почему здесь и опущены перечни сел с тем или другим типом говора.

Здесь еще отмечу, что при общей пестроте говоров, есть случаи, когда различные говоры соседят даже в одном селе, охватывая разные улицы или концы его. Таких сел отмечено восемь (здесь не имеются ввиду те села, где разница существует между старым и молодым поколением); в них имеется значительное разнообразие сочетаний говоров. Они также будут представлены на карте.

А. Гвоздев.

Пенза. Май 1925 г.

ИЗДАНИЯ ПЕНЗЕНСКОГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И КРАЕВЕДЕНИЯ.

Труды П. О. Л. Е. Вып. 1-й 1913 г.

Труды П. О. Л. Е. Вып. 2-й 1915 г.

Труды П. О. Л. Е. Вып. 3-й и 4-й 1917 г.

Труды П. О. Л. Е. Вып. 5-й Н. Спрыгина. Стоянка первобытного человека в долине р. Суры, близ г. Пензы. 1923 г.

Очерк деятельности П. О. Л. Е. за десять лет с 1905 по 1915 г.

Инструкции:

а) для собирания растений . . . . 12 к.

б) для собирания насекомых . . . . 6 к.

в) для собирания зоологического материала . . . . 4 к.

г) для собирания геологического материала . . . . 3 к.

Вестник Пензенского Общества Любителей Естествознания и Краеведения № 1-й 1925 г . . . . 60 к.